

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“, route de Lancy, 505

1892

Содержаніе.

	Стр.
I. — ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ К. МАРКСА ВЪ 1843 ГОДУ, переводъ съ нѣмецкаго. В. Наумова	5 ✓
II. — РУССКІЙ РАБОЧИЙ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ (окончаніе). Г. Плеханова	30 ✓
III. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. В. И. Засуличъ	81
IV. — ЗА БАЙКАЛОМЪ (разсказъ). Вл. Дебагорія-Мокрѣевича	109 ✓
V. — Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ (ст. четвертая и послѣдняя). Г. Плеханова	144 ✓

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ

VI. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦІАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТІИ И ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНСКІЙ РЕЙХСТАГЪ (окончаніе). П. Аксельрода	3
VII. — ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ ПО ДѢЛУ С. ГИНСБУРГЪ.	46 ✓
VIII. — ВСЕРОССИЙСКОЕ РАЗЗОРЕНІЕ. Г. Плеханова	65 ✓
IX. — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ 1881 ГОДУ	102 ✓
X. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА. Г. П	125
XI. — ПРОТЕСТЪ ХАРЬКОВСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ	131
XII. — ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВЪ (некрологъ)	133
XIII. — СТАНИСЛАВЪ ПАДЛЕВСКІЙ (некрологъ). Польскаго товарища	134
XIV. — ЛЮДОВИКЪ ВАРЫНСКІЙ (некрологъ). Польскаго товарища.	135
XV. — ШПИОНСКІЯ ЗАБАВЫ. Г. Плеханова	137
XVI. — О ДАЛЬНѢЙШЕМЪ ВЫХОДѢ „СОЦ.-ДЕМОКРАТА“.	139
XVII. — СПИСОКЪ НѢКОТОРЫХЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ	140

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемая въ переводѣ переписка Карла Маркса съ Арнольдомъ Ругъ впервые опубликована въ „Deutsch-Französische Jahrbücher, 1. u. 2. Lieferung, Paris, 1844“...— Эта переписка интересна уже по одному тому, что она намъ даетъ понятіе о *молодомъ* Марксѣ въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ началъ выработать свое будущее міросозерцаніе. Эти немногія письма — прекрасный матеріалъ для исторіи генезиса „марксизма“. Тутъ еще не весь Гегель „поставленъ на голову“, и даже тамъ, гдѣ уже ясно видны зародыши будущихъ воззрѣній зрѣлаго „марксизма“, Марксъ одѣваетъ свои мысли въ гегелевскій костюмъ, говоритъ языкомъ и терминологіей гегельянцевъ. Но кто знакомъ съ зрѣлымъ „марксизмомъ“, тому легко будетъ подъ старой, мѣстами уже прорванной, скорлупой различить новое зерно.

Такъ, мы ужь тутъ встрѣчаемъ одну изъ философскихъ основъ будущаго „марксизма“,—взглядъ на *рѣшающее значеніе объективныхъ условій* („дѣйствительности“) для всего историческаго развитія: уже тутъ Марксъ провозглашаетъ необходимость анализировать „дѣйствительность“, необходимость понять „дѣйствительность“, чтобы на основаніи этого анализа и пониманія дѣлать вѣрные выводы по отношенію къ будущему; уже тутъ Марксъ видитъ залогъ прогресса не въ самопроизвольныхъ теоретическихъ или практическихъ подвигахъ отдѣльныхъ личностей, не въ той или другой спасительной теоріи, созрѣвшей въ головѣ какого-нибудь генія, и не въ энтузіазмѣ избранныхъ „хорошихъ людей“ къ идеямъ справедливости, свободы и пр., — а въ неизбежно, независимо отъ воли и сознанія отдѣльныхъ людей, совершающемся объективномъ процессѣ. Этотъ-то процессъ ведетъ „къ разрыву внутри даннаго общества“, такъ какъ онъ, съ одной стороны, подкапываетъ основы стараго строя, а съ другой, созидаетъ элементы, интересы которыхъ идутъ въ разрѣзъ

съ даннымъ строемъ, элементы, являющіеся *разрушителями* этого строя. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи конецъ втораго письма Маркса, гдѣ онъ объясняетъ, почему онъ не отчаявается въ настоящемъ положеніи Германіи, несмотря на всю его видимую безотрадность. Оттуда видно, что Марксъ уже тогда понималъ подъ объективнымъ процессомъ нѣчто очень конкретное, что онъ въ этомъ процессѣ придавалъ рѣшающее значеніе — „системѣ промышленности и торговли, системѣ владѣнія и эксплуатаціи человѣка“, т. е. тому, что мы теперь называемъ „экономическимъ факторомъ“.

Далѣе Марксъ очень опредѣленно высказывается противъ „догматиковъ“, имѣющихъ претензіи своими „догматическими теоріями“ сдѣлать излишнимъ всякое дальнѣйшее историческое развитіе, не понимающихъ смысла совершающейся вокругъ нихъ борьбы. Последнее письмо Маркса содержитъ уже въ основныхъ чертахъ критику утопическаго социализма, которую мы находимъ въ „Манифестѣ коммунистической партіи“.

Въ концѣ втораго письма Марксъ говоритъ о гибели, угрожающей существующему строю со стороны „страдающаго человѣчества, которое мыслить и мыслящаго человѣчества, которое угнетается“, то есть, — употребляя знакомые намъ, русскимъ, термины, — со стороны мыслящаго „народа“ и угнетаемой „интеллигенціи“. . . . Тутъ Марксъ, повидимому, еще далекъ отъ своей будущей теоріи классовой борьбы. Но не забудемъ, что Марксъ въ *тогдашней Германіи* — а онъ въ письмѣ анализируетъ именно положеніе тогдашней Германіи — и не могъ видѣть другой противоположности, кромѣ противоположности между абсолютизмомъ, его слугами и косными „обывателями“ съ одной, и страдающей „массой“ и „интеллигенціей“, съ другой стороны. Не забудемъ также — и это главное, — что (какъ это видно изъ тѣхъ же писемъ) Марксъ вообще не шелъ тогда дальше „демократическаго государства“ и, прежде всего, видѣлъ необходимость покончить съ абсолютизмомъ: неудивительно, поэтому, что онъ обращалъ больше вниманія на моментъ, *объединяющій* всѣ классы, на общую имъ враждебность къ абсолютизму, чѣмъ на моментъ, *разъединяющій* эти классы, на антагонизмъ ихъ экономическихъ интересовъ, — антагонизмъ, который подъ болѣе или менѣе равномернымъ давленіемъ абсолютизма на всѣ непривилегированные классы еще не могъ явственно выступить наружу. Впрочемъ, и въ „Манифестѣ коммун. партіи“, гдѣ мы имѣемъ уже ясную, рѣзкую формулировку теоріи классовой борьбы, Марксъ считаетъ единственно-цѣлесообразной тактикой — временный союзъ коммунистовъ съ другими партіями для совместной борьбы противъ общаго врага. И въ этомъ же духѣ Марксъ практически дѣйствовалъ въ революціи 48-го года.

Той же экономической и политической отсталостью тогдашней Германіи объясняется, по нашему мнѣнію, почему Марксъ какъ бы отводитъ отдѣльное мѣсто „мыслящему человѣчеству“, „идеалистамъ“, — однимъ словомъ, тому, что мы называемъ „интеллигенціей“. Во всѣхъ европейскихъ странахъ, переживавшихъ переходъ отъ феодальнаго къ буржуазному строю, роль *застрѣльщиковъ* въ борьбѣ выпала

дала въ той или иной мѣрѣ на долю „идеологовъ“, — и эта роль оставалась за „идеологами“ до тѣхъ поръ, пока не выступали на арену борьбы *настоящія* армии, пока Экономическое развитіе не заставляло принять участіе въ борьбѣ тѣ классы, которые *материально* были заинтересованы въ побѣдѣ идей, проповѣдуемыхъ „идеологами“. Чѣмъ больше данная страна запаздывала въ своемъ развитіи, тѣмъ сильнѣе выступалъ контрастъ между „идеологическими“ потребностями интеллигенціи (воспитанной на идеяхъ и теоріяхъ болѣе передовыхъ странъ) и существующимъ строемъ, тѣмъ интенсивнѣе и долѣе велась борьба застрѣльщиками-идеологами. Да и сама „интеллигенція“ оставалась „идеологичной“, т. е. безъ опредѣленнаго классоваго характера, только до тѣхъ поръ, пока не выступали наружу классовыя различія среди общей угнетенной „массы“, во имя которой велась борьба. Въ современныхъ западно-европейскихъ странахъ просто нелѣпо говорить объ „интеллигенціи“ и „народѣ“, тамъ эти термины потеряли всякій смыслъ : у буржуазіи своя „интеллигенція“, у пролетаріата—своя, и развѣ еще буржуазная пресса любитъ метафорически говорить объ „образованныхъ классахъ“ (читай: господствующіе классы) въ противоположность остальному населенію. Замѣтимъ мимоходомъ, что вышесказанное объясняетъ также, почему Россія, наиболѣе запоздавшая въ своемъ развитіи страна, оказавшаяся въ наиболѣе рѣзкомъ контрастѣ съ остальной Европой и съ европейскими идеями своей „интеллигенціи“, показала самый типичный примѣръ „идеологическаго“ революціоннаго движенія...

Немного лѣтъ понадобилось Марксу, чтобы отбросить взгляды, вытекавшіе изъ „самобытнаго“ положенія Германіи 40-ыхъ годовъ : „втиснутый въ водоворотъ борьбы“, расширивъ свой кругозоръ теоретическимъ изученіемъ и наблюденіями надъ „заграничными“, внѣгерманскими общественными отношеніями, онъ нашелъ архимедовскую точку опоры — въ пролетаріатѣ. Уже въ „Манифестѣ“ всѣ остальные классы признаны революціонными лишь постольку, поскольку они „переходятъ въ ряды пролетаріата“, а за „идеологами“, „которые возвысились до пониманія всего хода историческаго движенія“ признана только роль „воспитательнаго элемента въ средѣ пролетаріата“ (Манифестъ, стр. 13, женевское изданіе 1882 г.). Когда-то русскіе „идеологи“ перестанутъ смотрѣть на себя, какъ на единственный въ своемъ родѣ, „самобытный“ историческій продуктъ, какъ на „самостоятельную общественную силу“? Когда-то русскіе „идеологи“ примирятся съ скромной, но почетной и въ высшей степени плодотворной ролью „воспитательнаго элемента въ средѣ пролетаріата“?...

Письма Маркса характерны еще и въ томъ отношеніи, что мы уже тутъ видимъ ту непоколебимую увѣренность въ гибели существующаго строя—въ данномъ случаѣ, германскаго абсолютизма, — которая составляетъ отличительную черту Маркса, которая не оставяла его и въ самыя „подлые времена“ реакціи. Эта увѣренность не есть, по нашему мнѣнію, случайная индивидуальная особенность Маркса, а неизбѣжный результатъ его міросозерцанія, построеннаго не на пескѣ энтузіазма, субъективно-нравственныхъ иде-

аловъ и пр., а на незыблемомъ фундаментѣ науки, на пониманіи внутренней логики объективныхъ общественныхъ отношеній. Въ торжествѣ своихъ идеаловъ Марксъ ни на минуту не могъ усомниться, потому что его идеалы не были продуктомъ „революціонной вѣры“, субъективныхъ понятій о „прогрессѣ“, о нравственности, о справедливости и пр. и пр., а представляли собою *только сознательную формулировку хода и тѣмъ объективнаго историческаго процесса*. Послѣднее и служитъ ключемъ къ пониманію ученія и личности Маркса. И всѣ послѣдователи Маркса, вмѣстѣ съ ученіемъ и съ идеалами учителя, проникаются также его увѣренностью. Самымъ блестящимъ примѣромъ этого служитъ германская социальдемократія... Намъ при этомъ приходятъ въ голову распространенные—особенно среди русской молодежи—упреки по адресу „марксизма“ въ томъ, что это ученіе якобы ослабляетъ, парализуетъ „иниціативу личности“, такъ какъ оно смотритъ на личность, какъ на пѣшку, приводимую въ движеніе безсознательнымъ „ходомъ вещей“. Тутъ не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе этого пункта. Не пускаясь въ разсужденія о „роли личности въ исторіи“, мы попросимъ только гг. критиковъ указать намъ во всей исторіи: 1) хоть одинъ примѣръ движенія, которое въ такой степени было бы проникнуто увѣренностью въ побѣдѣ, какъ германское социаль-демократическое движеніе, и 2) хоть одинъ примѣръ движенія, которое было бы обязано своими успѣхами—вѣрѣ въ чудодѣйственную „иниціативу личности“... Если ужъ говорить о вліяніи субъективнаго настроенія каждаго изъ участниковъ на ходъ движенія, то не можетъ быть сомнѣнія, что чувство увѣренности въ побѣдѣ—самый могучій стимулъ для энергіи личности.

Наконецъ, специально для русскаго читателя переписка Маркса представляетъ еще особенный интересъ: читая въ этихъ письмахъ живое изображеніе Германіи начала 40-ыхъ годовъ, русскій читатель невольно задумывается—о современной „дѣйствительности“ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, тогдашняя Германія—*mutatis mutandis*—живо напоминаетъ современную намъ Россію: тотъ же разлагающійся, но не помышляющій о смерти, абсолютизмъ, тотъ же „откровенный“ деспотическій режимъ, тѣ же попытки реакціонной камарильи воскресить прошедшее, то же „второе исправленное и дополненное изданіе“ русской Меттерниховщины—Николаевщины; а съ другой стороны, такое же полное отсутствіе на *общественной аренѣ* какой либо серьезной оппозиціонной силы, такое же поголовное „филистерство“ всего общества... А русское „мыслящее человечество“, русская „интеллигенція“?—Она такъ же богата разочарованіями, какъ „интеллигенція“ тогдашней Германіи, но разочарованіями не въ либерализмъ правительства, а въ своихъ собственныхъ, прежнихъ смѣлыхъ надеждахъ и планахъ, въ своихъ собственныхъ силахъ. Прежнее славное поколѣніе русской революціонной интеллигенціи, вѣрившее въ свое призваніе спасти народъ и Россію, погибло въ борьбѣ, не добившись цѣною столькихъ жертвъ даже возможности свободно „столковаться“ съ народомъ; а тѣ немногіе изъ теперешнихъ „интеллигентовъ“, которые еще остались вѣрны революціоннымъ тради-

ціямъ, въ большинствѣ случаевъ живутъ въ прошедшемъ, живутъ воспоминаніями о славномъ прошломъ, — вѣрный признакъ старческаго безсилія. Они всѣ топчутся на одномъ мѣстѣ, и вмѣсто того чтобы мыслить, занимаются тщетными опытами гальванизировать трупъ нѣкогда страшной и сильной „Народной Воли“. Нѣтъ, никакимъ гальванизмомъ, никакими жизненными элексирами не вдохнуть новую жизнь въ мертваго гиганта!.. Если, какъ гдѣ-то говоритъ Лассаль, „высказать то, что есть“ значитъ „совершить революціонное дѣло“, — то закрывать глаза на дѣйствительность или смотрѣть на настоящее глазами прошедшаго — значитъ осудить себя на безсиліе, свойственное всѣмъ реакціоннымъ утопистамъ, „ничего не забывающимъ и ничему не научающимся“. Чтобы сдѣлаться истинно-революціонной, наша интеллигенція должна научиться видѣть „то, что есть“ и то, что развивается. Тогда русскіе революціонеры столь же мало будутъ отчаяваться въ современной русской дѣйствительности, какъ Марксъ—въ дѣйствительности Германіи сороковыхъ годовъ: несмотря на громкое, никѣмъ и ничѣмъ не прерываемое, хрюканье „торжествующей свиньи“, несмотря на *видимое* отсутствіе какихъ либо другихъ серьезныхъ факторовъ, кромѣ реакціоннаго правительства и безотвѣтной „обывательской“ массы,—*подъ безотрадной поверхностью* совершается „тихая революція“, съ каждымъ днемъ подкапывающая основы самодержавія, съ каждымъ днемъ увеличивающая армію „могильщиковъ“ самодержавія. А дѣятельность нашихъ революціонеровъ только тогда сдѣлается революціонной, когда они начнутъ *сознательно* работать въ томъ направленіи, куда ведетъ *безсознательная* „тихая революція“, совершающаяся помимо ихъ и вопреки ихъ волѣ, вопреки ихъ устарѣлымъ теоріямъ. Направивъ всѣ свои силы на то, чтобы „столкнуться“ съ *безсознательнымъ* революціоннымъ продуктомъ современной русской дѣйствительности, — съ рабочимъ пролетаріатомъ—на то, чтобы сдѣлать его *сознательно-революционнымъ*, наши „интеллигентные“ революціонеры приблизятъ паденіе самодержавія несравненно скорѣе, чѣмъ посредствомъ „систематическихъ“, „всестороннихъ“ и иныхъ терроровъ... Говоря словами Руге, наша революціонная интеллигенція не можетъ иначе продолжать прошедшее, — т. е. революціонное дѣло своихъ предшественниковъ, — какъ окончательно разрывая съ нимъ, окончательно разрывая съ теоріями и фантазіями прошедшаго.

Небезынтересно также провести параллель между дальнѣйшей карьерой Маркса и Руге. Жизнь и дѣятельность Маркса до и послѣ 48-го года всѣмъ хорошо извѣстны. Но кто знаетъ что нибудь о жизни и дѣятельности Руге?... А межъ тѣмъ судьба послѣдняго въ высшей степени характерна для всѣхъ германскихъ „идеологовъ“, мечтавшихъ нѣкогда—до 48-го года—о революціи, о демократіи и пр. За очень немногими исключеніями, всѣ эти „идеологи“ послѣ 48-го года такъ или иначе разрываютъ съ прежними мечтами и идеалами: одни, скрывшись со сцены во время реакціи 50-тыхъ годовъ, появляются потомъ въ роли „практиковъ“, въ роли сознательныхъ представителей окрѣпшей буржуазіи; другіе, не сдумѣвъ вложить въ свои отвлеченные идеалы конкретное содержаніе, не

возвысившись „до теоретическаго пониманія всего хода историческаго движенія“, впадаютъ въ пессимизмъ, „разочаровываются“ и дѣлаются полными индифферентистами; есть, наконецъ, и такіе, которые, оставаясь при старыхъ идеологическихъ лозунгахъ и формулахъ, въ сущности замѣняютъ старую революціонно-демократическую „идеологію“ — національно-патріотической „идеологіей“, т. е. начинаютъ видѣть торжество своихъ идеаловъ въ единой Германіи, — объединенной „железнымъ канцлеромъ“ Бисмаркомъ... Впрочемъ, на восторгахъ къ единой Германіи, приведенной къ одному знаменателю подъ главенствомъ Гогенцоллерновъ, на восторгахъ къ „прусифицированной Германіи“ („Preussen - Deutschland“) сходятся всѣ почти до-мартовскіе идеологи безъ различія.

Къ послѣдней категоріи идеологовъ скорѣе всего можно отнести Арнольда Руге, бывшаго другомъ и товарищемъ Маркса по редакціи „Deutsch-franzoesische Jahrbücher“ въ 1844 г. Въ революціи 48-го года Руге принималъ довольно дѣятельное участіе, какъ депутатъ франкфуртскаго парламента (отъ города Бреславля) и какъ редакторъ демократической газеты „Reform“. Съ наступленіемъ реакціи эта газета была закрыта прусскимъ правительствомъ, и въ 1849 г. Руге принималъ участіе въ баденскомъ возстаніи. Послѣ пораженія этого возстанія и неудачной попытки Руге завязать въ Парижѣ сношенія между баденскими инсургентами и парижскими „крайними“ республиканцами (Ледрю-Ролленомъ и пр.), Руге отправляется изъ Париза въ Лондонъ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ другими европейскими эмигрантами: Ледрю-Ролленомъ, Мадзини и др., основываетъ фантастическій, просуществовавшій безъ году недѣлю, „Европейскій Комитетъ солидарности партій безъ различія національностей“. Вскорѣ Руге выступилъ изъ этого „Комитета“, — и этимъ заканчивается его революціонно-демократическая дѣятельность. Остальныя 30 лѣтъ своей жизни (1850—1880) онъ прожилъ уединенно въ Брайтонѣ, занимаясь литературными работами (оригинальными и переводными). Эти работы, значительная часть которыхъ состоитъ изъ повѣстей, драмъ, стиховъ, потеряли теперь всякій интересъ: Руге не пошелъ дальше „молодого гегельянства“ въ философіи и смутныхъ до-мартовскихъ идеаловъ въ общественной жизни... Его біографъ хвалитъ его за то, что онъ „никогда не увлекался коммунизмомъ“, а особенно за то, что „въ великое время національнаго подъема Пруссіи и Германіи онъ оказался истиннымъ нѣмцемъ“... А его „примиреніе съ дѣйствительностью“ дошло до того, что онъ въ 1866 и 1870 гг. дважды (безуспѣшно) обращался къ Бисмарку съ предложеніемъ („Antrag“) выплатить ему 120,000 марокъ, какъ вознагражденіе за убытки, причиненные ему закрытіемъ газеты „Reform“ въ 1848 г. А когда ему Бисмаркъ, наконецъ, въ 1877 г. назначилъ ежегодную пенсію въ 1000 марокъ, онъ особенно радовался тому, что эта пенсія была ему назначена подъ названіемъ „почетнаго жалованья“ (Ehrensold). Бывшій другъ Маркса, бывшій демократъ и революціонеръ — „истинный нѣмецъ“ и пенсіонеръ Бисмарка!.. Sic transit gloria—ideologiae! А отчего? Оттого, что Руге и всѣ подобные ему германскіе и негерманскіе идеологи и интеллигенты „никогда не увлекались комму-

низмом“, т. е. не становились на точку зрѣнія пролетаріата, неспособны были понять историческую роль пролетаріата.

Судьба такихъ „идеологовъ“ — а ихъ большинство — одинакова во всѣхъ странахъ. Ихъ роль, какъ борцовъ за отвлеченные идеалы за „общее народное благо“ и пр. кончается, какъ только „народъ“ выдѣляетъ изъ себя опредѣленный общественный классъ — пролетаріатъ, который начинаетъ бороться за свои конкретные, классовые интересы. Идеологи, не примкнувшіе сознательно къ этому классу, или замыкаются въ скорлупу личной жизни, или же становятся въ ряды другого класса — буржуазіи...

Исторія болѣе передовыхъ странъ и въ данномъ случаѣ „показываетъ“, говоря словами Маркса, „отсталымъ странамъ картину ихъ собственнаго будущаго“.

В. Наумовъ.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ К. МАРКСА ВЪ 1843-мъ ГОДУ.

МАРКСЪ КЪ РУГЕ.

Трекшунтъ, въ Мартъ 1843 г.

Я путешествую теперь по Голландіи. Судя по здѣшнимъ и французскимъ газетамъ, Германія съ каждымъ днемъ все глубже увязаетъ въ грязи. Повѣрьте мнѣ, и человѣкъ совершенно свободный отъ чувства національной гордости, можетъ чувствовать національный стыдъ, — даже въ Голландіи. Самый ничтожный голландецъ — все-таки гражданинъ въ сравненіи съ величайшимъ нѣмцемъ. А сужденія иностранцевъ о прусскомъ правительствѣ? Въ этомъ отношеніи господствуетъ ужасающее единогласіе, никто не обманывается больше на счетъ прусской системы и ея мелочнаго характера. И на томъ уже спасибо новой системѣ. Пышный плащъ либерализма упалъ съ плечъ, и деспотизмъ стоитъ во всей своей отвратительной наготѣ передъ глазами всего міра.

Это — также откровеніе, только отрицательное. Это—истина, которая, по крайней мѣрѣ, обнажаетъ передъ нами пустоту нашего патриотизма, неестественность нашего государственнаго строя и научаетъ насъ закрывать лицо отъ стыда. Вы смотрите на меня съ улыбкой и спрашиваете, что пользы въ этомъ? Со стыда революцій не дѣлаютъ. — А я говорю: стыдъ — это уже революція; стыдъ, это, дѣйствитель-

но, побѣда французской революціи надъ германскимъ патриотизмомъ, побѣдившимъ ее въ 1813 году. Стыдъ—это своего рода гнѣвъ, только обращенный внутрь. И если цѣлая нація дѣйствительно стыдится, она подобна льву, который присѣдаетъ передъ прыжкомъ. Правда, въ Германіи не чувствуютъ еще даже стыда; напротивъ, эти жалкіе люди все еще патриоты. Но что же вышибитъ изъ нихъ патриотизмъ, если не эта смѣшная система новаго рыцаря? Комедія, которую деспотизмъ разыгрываетъ съ нами, для него столь же опасна, какъ въ свое время оказалась опасной трагедія — для Стюартовъ и Бурбоновъ. И эта комедія—во всякомъ случаѣ революція, если бы даже еще долгое время не понимали, что это просто комедія. Государство слишкомъ серьезная вещь, чтобы разыгрывать съ нимъ арлекинаду. Судно, наполненное глупцами*), можетъ, пожалуй, плыть нѣкоторое время по волѣ вѣтра; но оно будетъ плыть на встрѣчу своей судьбѣ именно потому, что глупцы не подозрѣваютъ этого. И эта судьба—предстоящая намъ революція.

ПУТЕ КЪ МАРКСУ.

Берлинъ, въ Мартѣ 1843 г.

„Это — жестокое слово, но я произношу его, потому что это правда: я не могу себѣ представить болѣе разорваннаго народа, чѣмъ нѣмцы. Мы видимъ тамъ ремесленниковъ, но не людей, мыслителей, но не людей, господъ и слугъ, молодыхъ и пожилыхъ, но не людей. — Не поле сраженія-ли это, гдѣ раздробленныя руки, ноги и всѣ члены валяются въ перемежку, между тѣмъ какъ пролитая кровь, а съ нею и жизнь, всасывается пескомъ?“ — Эти слова Гельдерлина иллюстрируютъ мое настроеніе. Къ сожалѣнію, это настрое-

*) Намекъ на извѣстную сатиру Себастіана Бранта: „Das Narrenschiff“, впервые появившуюся въ Базелѣ въ 1494 г. — Брантъ осмѣиваетъ тамъ нелѣпые взгляды современниковъ въ религіозной, общественной и нравственной областяхъ и сравниваетъ тѣхъ современниковъ съ глупцами, пускающимися въ плаваніе, не обращая вниманія на направленіе вѣтра и пр.: подобно этимъ глупцамъ-мореплавателямъ, „глупцы“-современники обречены на вѣрную гибель.

ніе не новость; одинъ и тотъ же предметъ отъ времени до времени одинаково дѣйствуетъ на людей. Ваше письмо — иллюзія. Ваша бодрость приводитъ меня въ еще бѣльшее уныніе.

Мы доживемъ до политической революціи? мы, современники этихъ нѣмцевъ? Другъ мой, Вы вѣрите въ то, чего желаете. О, мнѣ знакомо это! Очень сладко надѣяться и очень горько отбросить всякія иллюзіи. Нужно больше мужества для отчаянія, чѣмъ для надежды. Но это—мужество разума, и мы дошли до такого положенія, гдѣ нельзя больше предаваться иллюзіямъ. Что переживаемъ, мы въ это мгновеніе? Второе изданіе карльсбадскихъ постановленій, изданіе, дополненное отмѣной обѣщанной свободы печати и улучшенное обѣщаніемъ цензуры,—вторичную неудачу попытокъ ввести политическую свободу, и на этотъ разъ безъ Лейпцига и безъ Belle Alliance, безъ предварительныхъ напряженій, послѣ которыхъ намъ надобно было бы отдохнуть. Теперь мы отдыхаемъ отъ—отдыха; и насъ унимаютъ посредствомъ простого повторенія старыхъ приемовъ деспотизма, посредствомъ списыванія его документовъ. Изъ одного позорнаго положенія мы попадаемъ въ другое. Я чувствую совершенно тотъ же гнетъ и униженіе, какъ во время наполеоновскаго завоеванія, когда Россія предписываетъ болѣе строгую цензуру для нѣмецкой печати. И если Вы находите утѣшеніе въ томъ, что мы теперь живемъ подъ такимъ же откровеннымъ режимомъ, какъ тогда — то меня это нисколько не утѣшаетъ. Когда Наполеонъ въ Эрфуртѣ сказалъ въ отвѣтъ на поздравленія нѣмецкихъ государей, титуловавшихъ его „notre prince“: „Je ne suis pas votre prince, je suis votre maître,“ — вокругъ него раздались шумныя рукоплесканія. И если бы русскій снѣгъ не отвѣтилъ ему на это, нѣмецкое негодованіе спало бы и по сію пору. Не говорите мнѣ, что это наглое слово было отомщено Наполеону кровавымъ образомъ; не убѣждайте меня, будто эта случайная месть была неизбежною, такъ какъ, молъ, всѣ народы свергали съ себя иго деспотизма, какъ только онъ выступалъ во всей своей наготѣ. Покажите мнѣ народъ, который чувствовалъ бы свой позоръ самъ по себѣ, у котораго это чувство не было бы вызвано стыдомъ передъ всѣми другими народами... Я называю революціей перерожденіе всѣхъ сердецъ и всеобщую борьбу за честь свободнаго человѣка, за сво-

бодное государство, не принадлежащее никакому господину, принадлежащее себѣ самому. Этого нѣмцамъ никогда не добиться. Они давно погибли для исторіи. То, что они вмѣстѣ съ другими всюду бились на поляхъ сраженія, ничего не доказываетъ. Завоеванные и подчиненные народы не избавлены отъ необходимости драться, но они только гладиаторы, дерущіеся за чужое дѣло и готовые, по знаку своихъ господъ, задушить другъ друга. „Посмотрите, какъ народъ дерется за насъ!“ говорилъ прусскій король въ 1813 году. — Германія не наслѣдникъ, а достающееся другимъ наслѣдство. Въ Германіи принимаютъ въ расчетъ не борющіяся партіи, а число душъ, которыя можно продать.

Вы говорите, что съ либеральнаго лицемѣрія сорвана маска. Это вѣрно; болѣе того, люди чувствуютъ смущеніе и оскорбленіе, друзья и знакомые начинаютъ резонировать въ интимныхъ кружкахъ, всюду раздаются теперь рѣчи о судьбѣ Стюартовъ, а тотъ, кто боится давать волю языку, качаетъ по крайней мѣрѣ, головой, чтобы дать понять, что и онъ не чуждъ общему волненію. Но все это только разговоры и разговоры: найдется-ли хоть одинъ человѣкъ съ увѣренностью въ томъ, что его негодованіе раздѣляется всѣми? Есть-ли хоть одинъ человѣкъ, настолько глупый, чтобы ошибаться на счетъ нашихъ обывателей (Spiessbürger) и ихъ неизмѣннаго овечьяго терпѣнія? — Черезъ 50 лѣтъ послѣ французской революціи возобновленіе стараго деспотизма во всемъ его безстыдствѣ — вотъ до чего мы дожили! Не говорите, что девятнадцатое столѣтіе непримиримо съ деспотизмомъ. Нѣмцы разрѣшили эту задачу. Мало того, что они переносятъ деспотизмъ, — они переносятъ его съ патриотизмомъ; и мы, краснѣющіе за нѣмцевъ, именно мы хорошо знаемъ, что они достойны своей участи. Кто могъ думать, что этотъ рѣзкій переходъ отъ рѣчей къ молчанію, отъ надеждъ къ безнадежности, отъ болѣе или менѣе человѣческаго положенія къ совершенно рабскому, — что этотъ переходъ не возбудитъ всѣхъ живыхъ силъ, не заставитъ кровь сильнѣе биться въ жилахъ, не вызоветъ всеобщаго крика негодованія! У нѣмца только и было, что духовная свобода, единственная свобода, которой можетъ пользоваться и закрѣпощенный человѣкъ — и что же? И эта свобода у него теперь отнята . . . Правда, и прежде нѣмецкіе философы были слугами, говорившими и молчавшими по

приказанію. — Кантъ доказаль намъ это документально, — но имъ, по крайней мѣрѣ, позволяли смѣло объявлять человѣка свободнымъ in abstracto. Теперь и эта свобода, такъ называемая научная или принципиальная свобода, скромно замыкавшаяся отъ реальной жизни, уничтожена, — и, разумѣется, нашлось не мало людей, которые проповѣдуютъ вмѣстѣ съ Тассо :

Glaubt nicht, dass mir
Der Freiheit wilder Trieb den Busen blähe,
Der Mensch ist nicht geboren, frei zu sein,
Und für den Edlen ist kein schönes Glück,
Als einem Fürsten, den er ehrt, zu dienen.

На вопросъ : „а если онъ его не почитаетъ?“ они твердятъ въ отвѣтъ : „человѣкъ не рожденъ для свободы!“ Дѣло идетъ, по ихъ мнѣнію, не о счастья человѣка, а о томъ, что такое человѣкъ. Да, Тассо правъ: человѣкъ, служащій другому, человѣкъ, котораго называютъ рабомъ, можетъ себя чувствовать счастливымъ, болѣе того, даже благороднымъ — это доказываютъ намъ исторія и Турція. А разъ мы согласимся, что не человѣкъ и свободное существо, а человѣкъ и слуга — тожественныя понятія, — старый міръ оправданъ.

Противъ того факта, что люди рождены слугами и собственностью своихъ прирожденныхъ господъ, нѣмцы ничего не могли возразить черезъ 25 лѣтъ послѣ французской революціи. Тогда сошлись въ имперскомъ сеймѣ нѣмецкіе государи, чтобы возстановить свою частную собственность на землю и людей, чтобы отмѣнить „права человѣка“. Это были антифранцузскія мѣропріятія, — все заликовало. Теперь является вслѣдъ за тѣмъ теорія того факта, — почему же бы нѣмцамъ и не отнестись къ этой теоріи безъ негодованія? Почему бы имъ и не утѣшаться мыслью, что это — неизбѣжная судьба: „человѣкъ не рожденъ для свободы“?

И это вѣрно, — это поколѣніе дѣйствительно не рождено для свободы. 30 лѣтъ политическаго оцѣпенѣнія и столь унижательнаго гнета, что даже мысли и чувства людей подвергаются регламентаціи и надзору цензурной тайной полиціи, — эти 30 лѣтъ сдѣлали Германію политически ничтожнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Вы говорите, что наполненное глупцами судно, игрушка вѣтра и волнъ, не избѣгнетъ своей судьбы, и что эта судьба — революція. Но вы не прибавляете, что

эта революція означаетъ выздоровленіе глупцовъ, напротивъ того, Ваше сравненіе вызываетъ мысль о погибели. Я же не признаю и этого: физически эта полезная порода людей никогда не погибнетъ, ну, а въ духовномъ и политическомъ отношеніи ихъ пѣсенка давно уже снѣта.

Если я сужу о Германіи по ея прошлой и настоящей исторіи, то вы мнѣ не станете возражать, что вся ея исторія поддѣльна и что вся ея теперешняя гласность не выражаетъ истиннаго состоянія народа. Почитайте какія Вамъ угодно газеты, посмотрите, какъ тамъ непрестанно восхваляютъ, — а цензура, вы согласитесь, никому не мѣшаетъ перестать восхвалять — свободу и національное счастье Германіи, и послѣ этого скажите англичанину, французу или хотя бы голландцу, что въ той гласности не выражается нашъ истинный характеръ.

Нѣмецкій духъ, насколько онъ проявляется, подлѣ; и я не колеблясь говорю, что если онъ не проявляется иначе, то въ этомъ единственно виновата его подлая натура. Или, быть можетъ, по Вашему мнѣнію, приватное существованіе этого духа, его тихія заслуги, — ненапечатанныя застольныя рѣчи, кулакъ въ карманѣ, — стоятъ такъ высоко, что его настоящій позоръ еще будетъ когда-нибудь смытъ почетной будущностью? О, эта нѣмецкая будущность! Гдѣ посѣяно ея сѣмя? Не въ позорной - ли исторіи, которую мы пережили до сихъ поръ? Или въ отчаяніи тѣхъ, которые имѣютъ понятіе о свободѣ и объ исторической чести? Или, наконецъ, въ насмѣшкѣ, которой осынаютъ насъ чужіе народы, особенно тѣ изъ нихъ, которые всего больше расположены къ намъ? . . . Ибо иностранцы рѣшительно не могутъ себѣ представить, до какой степени доходить въ дѣйствительности наше политическое безчувствіе и упадокъ. Почитайте только, что пишетъ „Times“ по поводу притѣсненія печати въ Пруссіи; послушайте, какъ говорятъ свободные люди, какое высокое чувство достоинства они предполагаютъ въ насъ, — въ насъ, совершенно лишенныхъ этого чувства, — и пожалѣйте Пруссію, пожалѣйте Германію. Я знаю, что и я также принадлежу къ нѣмцамъ; не думайте, что я считаю себя чистымъ отъ общаго позора. Упрекайте меня за то, что я не поступаю лучше другихъ, требуйте отъ меня, чтобы я посредствомъ новаго принципа вызвалъ новую жизнь, чтобы я сталъ писателемъ, увлекающимъ за собой свободный вѣкъ, вы-

сказывайте мнѣ самыя горькія вещи, — я готовъ все выслушать. Нашъ народъ не имѣетъ будущности, — къ чему дорожить своей личной славой?

МАРКСЪ КЪ РУГЕ.

Кельнъ, въ Маѣ 1848 г.

Ваше письмо, мой дорогой другъ, хорошая элегія, надрывающая душу надгробная пѣснь; но политическаго въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего. Никакой народъ не отчаявается, и пусть народъ долгое время надѣется просто по глупости, все же когда нибудь послѣ долгихъ лѣтъ онъ осуществляетъ, въ моментъ внезапнаго просвѣтлѣнія, всѣ свои благочестивыя пожеланія.

И однако, Вы меня заразили, Ваша тема еще не исчерпана, я хочу прибавить финалъ; но когда я покончу съ этимъ, Вы мнѣ дадите руку и мы все начнемъ снова. Предоставимъ мертвымъ хоронить и оплакивать своихъ мертвыхъ. Завидна за то участь тѣхъ, кто раньше другихъ съ живыми силами начинаетъ новую жизнь; это пусть выпадетъ намъ на долю.

Это вѣрно, старый міръ принадлежитъ филистеру. Но не слѣдуетъ относиться къ филистеру какъ къ пугалу, и боязливо отворачиваться отъ него. Напротивъ, мы должны тщательнo присмотрѣться къ нему. Стоитъ изучить этого господина міра.

Разумѣется, филистеръ — господинъ міра только въ томъ смыслѣ, что онъ наполняетъ собою міръ, подобно тому какъ черви наполняютъ трупъ. Поэтому, филистерскому обществу нужно только извѣстное количество рабовъ, собственникамъ же этихъ рабовъ незначѣмъ быть свободными. Какъ собственники земли и людей, они называются господами по преимуществу, но они тѣмъ не менѣе такіе же филистеры, какъ ихъ челядь.

Человѣкъ — это мыслящее существо, свободный человѣкъ — это республиканецъ. Обыватель не хочетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ. Чѣмъ же онъ можетъ быть и чего ему остается желать.?

Того, чего хочетъ обыватель, — жить и оставить послѣ себя

потомство — (а большаго, говоритъ Гётэ, никто вѣдь не достигаетъ), хотеть и животное; развѣ вотъ нѣмецкій политикъ можетъ прибавить, что человѣкъ молъ *знаетъ*, что онъ этого хотеть, а нѣмецъ столь разсудителенъ, что онъ ничего больше не хотеть.

Человѣческое чувство собственнаго достоинства, чувство свободы погасло въ груди этихъ людей. Только это чувство, которое съ греками оставило мѣръ, а съ христіанствомъ скрылось въ небесномъ туманѣ, можетъ снова сдѣлать общество союзомъ людей для осуществленія ихъ высшихъ цѣлей, т. е. демократическимъ государствомъ.

Люди же, которые не чувствуютъ себя людьми, пристраиваются къ своимъ господамъ, какъ приплодъ рабовъ или лошадей. Прирожденные господа — вотъ цѣль всего этого общества. Этотъ мѣръ принадлежитъ имъ. Они берутъ этотъ мѣръ, каковъ онъ есть и какимъ онъ себя чувствуетъ. Они берутъ себя самихъ, какими они себя находятъ; они становятся туда, куда приросли ихъ ноги, — на шею этихъ общественныхъ животныхъ, которыя не знаютъ другаго назначенія, какъ быть „услужливыми и любезными подданными“ своихъ господъ.

Филистерскій мѣръ — это *мѣръ общественныхъ животныхъ*, и разъ мы должны признать его существованіе, намъ ничего не остается, какъ просто-на-просто признать право status quo. Вѣка варварства произвели и выростили это status quo, и оно стоитъ теперь передъ нами въ видѣ послѣдовательной системы, принципъ которой — *обезчеловѣченный мѣръ* (entmenschte Welt). Самый совершенный филистерскій мѣръ, наша Германія, долженъ былъ непременно остаться далеко позади французской революціи, снова возстановившей человѣка; и нѣмецкій Аристотель, который пожелалъ бы написать „Политику“ на основаніи положенія Германіи, написалъ бы на первой страницѣ: „Человѣкъ — общежительное, но совершенно неполитическое животное“, а государство онъ не могъ бы лучше опредѣлить, чѣмъ словами г. Цёлфля (Zoerfl), автора „Конституціоннаго государственнаго права въ Германіи“. Послѣдній опредѣляетъ государство, какъ „союзъ семей“, который, прибавимъ мы отъ себя, принадлежитъ на правахъ наслѣдственной собственности высочайшей семьѣ, называемой династіей. Чѣмъ плодovitѣе семьи, тѣмъ счастливѣе населеніе, тѣмъ больше государство,

тѣмъ могущественнѣе династія; и вотъ почему въ образцово-деспотической Пруссіи за седьмого дѣтеныша выдается родителямъ премія въ 50 имперскихъ талеровъ.

Нѣмцы—столь разсудительные реалисты, что всѣ ихъ желанія и самыя высокопарныя мысли не выходятъ за предѣлы обыденной жизни. Вотъ съ какою дѣйствительностью единственно считаются тѣ, которые господствуютъ надъ нѣмцами. Эти господа также реалисты, они очень далеки отъ всякаго мышленія и отъ всякаго человѣческаго величія; они всѣ — заурядные офицеры и помѣщики, но они не ошибаются, они правы: ихъ, каковы они суть, совершенно хватаетъ на то, чтобы пользоваться этимъ животнымъ царствомъ и господствовать надъ нимъ: господство и пользование, здѣсь какъ всюду, тождественныя понятія. А когда они принимаютъ поклоненія, скользя взглядомъ по кишащимъ головамъ этихъ безмозглыхъ существъ, какая мысль можетъ имъ скорѣе придти въ голову, чѣмъ мысль Наполеона при Березинѣ? Рассказываютъ, что Наполеонъ, указывая своему провожатому внизъ на толпу утопающихъ въ Березинѣ, воскликнулъ: „*Voyez ces sgarauds!*“ (Посмотрите на этихъ жабъ!) Этотъ рассказъ о Наполеонѣ, по всей вѣроятности, выдумка, но въ немъ тѣмъ не менѣе заключается истина. Единственная мысль деспотизма—это презрѣніе къ человѣку, обезчеловѣченный человѣкъ, и эта мысль выгодно отличается отъ другихъ мыслей тѣмъ, что она не только мысль, но и фактъ. Деспотъ видитъ всегда униженныхъ людей. Они тонутъ на его глазахъ и за него въ тинѣ обыденной жизни и, подобно лягушкамъ, не перестаютъ плодиться въ этой тинѣ. Если даже у человека, способнаго на великое, — какимъ былъ Наполеонъ до своего династическаго безумія, — невольно является презрѣніе къ людямъ, — какимъ же образомъ можетъ совсѣмъ заурядный король быть идеалистомъ въ такой реальности?

Принципъ монархіи вообще — презираемый, презрѣнный, *обезчеловѣченный человекъ*, и Монтескьё совершенно ошибочно считаетъ честь принципомъ монархіи. Онъ выпутывается при помощи различія, которое онъ дѣлаетъ между монархіей, деспотіей и тираніей; но все это—названія одного и того же понятія, въ крайнемъ случаѣ различіе въ правахъ при одномъ и томъ же принципѣ. Тамъ, гдѣ монархическій принципъ въ большинствѣ, люди въ меньшинствѣ; гдѣ монархическій прин-

ципъ не оспаривается, тамъ совсѣмъ нѣтъ людей. Почему же бы такому человѣку, какъ прусскій король, который не имѣетъ никакой причины считать свое существованіе проблематичнымъ, и не слѣдовать исключительно своему капризу? И что выходитъ изъ того, что онъ слѣдуетъ своему капризу? — Противорѣчивыя намѣренія? чтожъ! тогда ничего не выходитъ. Безсильныя стремленія? Но вѣдь въ этомъ заключается по сію пору вся политическая дѣйствительность. Постыдныя и неловкія положенія? Одно только постыдно и неловко—это сойти съ трона. Пока капризъ на своемъ мѣстѣ, онъ правъ. Какъ бы ни былъ переменчивъ, безсмысленъ, презрителенъ такой капризъ, онъ все еще годенъ для того, чтобы управлять народомъ, который никогда не зналъ другаго закона, кромѣ произвола своихъ королей. Я не говорю, что бессмысленная система и потеря уваженія внутри и внѣ государства останутся безъ послѣдствій, — я не беру на себя страховку дурацкаго судна; но я утверждаю, что прусскій король до тѣхъ поръ будетъ человѣкомъ своего времени, пока извращенный міръ составляетъ дѣйствительность.

Вы знаете, я сильно интересуюсь этимъ человѣкомъ. Уже тогда, когда онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только берлинскую еженедѣльную политическую газету,*) я оцѣнилъ его и его назначеніе. Уже при своей коронаціи въ Кѣнигсбергѣ онъ оправдалъ мои ожиданія, что теперь вопросъ станетъ чисто личнымъ. При коронаціи онъ высказался сердцемъ и душой за будущій конституціонный законъ вотчины Пруссіи, *своего* государства; и въ самомъ дѣлѣ, въ Пруссіи король — это система. Король тамъ единственная политическая личность. Такъ или иначе, его особа опредѣляетъ собою систему. То, что онъ дѣлаетъ, или что его заставляютъ дѣлать; то, что онъ думаетъ, или что влагаютъ ему въ уста, — это думаетъ и дѣлаетъ прусское государство. Поэтому, теперешнему королю нужно вмѣнить въ дѣйствительную заслугу, что онъ провозгласилъ это безъ обиняковъ.

Нѣкоторое время ошибались только въ томъ, что придавали важность тому, какія желанія и мысли выскажетъ король. Это нисколько не могло измѣнить дѣла: филистеръ—матеріаль монархіи, а монархъ—неизбѣжно король филистеровъ;

*) Т. е. когда онъ былъ кронпринцемъ. Перев.

онъ не можетъ сдѣлать ни себя, ни своихъ подданныхъ свободными, дѣйствительными людьми, пока обѣ стороны остаются тѣмъ, чѣмъ были раньше.

Прусскій король сдѣлалъ попытку измѣнить систему посредствомъ теоріи, какой совсѣмъ не зналъ его отецъ. Судьба этой попытки извѣстна. Она совершенно не удалась. Весьма понятно — почему. Разъ приходится имѣть дѣло съ міромъ общественныхъ животныхъ, немислимо сдѣлать еще одинъ шагъ назадъ, но и нельзя сдѣлать шага впередъ, не оставляя за собою основанія этого міра и не переходя къ человѣческому міру демократіи.

Старый король не хотѣлъ ничего экстравагантнаго, онъ былъ филистеръ и нисколько не претендовалъ на умъ. Онъ зналъ, что государство слугъ и рабовъ и обладаніе имъ нуждается единственно въ спокойномъ, прозаическомъ существованіи. Молодой король былъ живѣе и бойчѣе, — онъ былъ болѣе высокаго мнѣнія о всемогуществѣ монарха, ограниченнаго только своимъ сердцемъ и своимъ умомъ. Старое окостенѣлое государство слугъ и рабовъ внушало ему отвращеніе. Онъ захотѣлъ вдохнуть жизнь въ это государство и заставить его цѣликомъ проникнуться своими желаніями, чувствами и мыслями. И онъ, король такого государства, могъ потребовать этого, если только это осуществимо. Отсюда его либеральныя рѣчи и сердечныя изліянія. Съ этихъ поръ не мертвый законъ, а полное, живое сердце короля будетъ управлять всѣми его подданными. Ему хотѣлось привести въ движеніе всѣ сердца и умы въ пользу своихъ сердечныхъ желаній и давно задуманныхъ плановъ. Движеніе явилось; но другія сердца бились не такъ, какъ сердце короля, и подчиненные не могли раскрыть рта, безъ того, чтобы не заговорить объ уничтоженіи старой подчиненности. Заговорили идеалисты, имѣвшіе безстыдное желаніе сдѣлать человѣка человекомъ; и въ то время, какъ король фантазировалъ на старонѣмецкій ладъ, они считали себя вправѣ философствовать на ново-нѣмецкій ладъ. Разумѣется, это было нѣчто неслыханное въ Пруссіи. Одно мгновеніе казалось, что старый порядокъ вещей поставленъ на голову, — болѣе того, вещи стали превращаться въ людей, появились даже люди съ именемъ; хотя въ ландтагахъ не позволяется называть кого либо по имени... Но слуги стараго деспотизма положили конецъ этому не-нѣмецкому поведенію.

Было не трудно довести дѣло до чувствительнаго столкновѣнія между желаніями короля, мечтающаго о великомъ прошедшемъ, полномъ пѣновъ, рыцарей и крѣпостныхъ, и намѣреніями идеалистовъ, стоящихъ единственно за результаты французской революціи, въ послѣднемъ итогѣ, значить, за республику, за порядокъ свободныхъ людей вмѣсто порядка мертвыхъ вещей. Когда это столкновѣніе стало достаточно рѣзкимъ и неприятнымъ, а вспыльчивый король былъ достаточно возбужденъ, — подошли къ королю слуги, которые раньше такъ легко руководили ходомъ вещей, и заявили ему, что неумѣство съ его стороны давать подданнымъ поводъ къ бесполезнымъ рѣчамъ, что они, слуги, не въ состояніи будутъ управлять поколѣніемъ говорящихъ людей. Съ своей стороны, властитель всѣхъ „заднихъ русскихъ“ (*Hinterrussen*)* сталъ беспокоиться по поводу движенія въ головахъ „переднихъ русскихъ“ (*Vorderrussen*) и потребовалъ возстановленія стараго спокойствія. И вотъ, снова была положена старая опала на всѣ желанія и на всѣ мысли людей о человѣческихъ правахъ и обязанностяхъ, т. е. вернулись къ старому окостенѣлому государству слугъ, гдѣ рабъ молча служитъ, а владѣлецъ земли и людей по возможности молчаливо господствуетъ посредствомъ благовоспитанной, тихо-послушной дворни. Ни рабъ, ни господинъ не могутъ сказать, чего они хотятъ: первый не можетъ сказать, что онъ хочетъ стать человѣкомъ, а второй не можетъ сказать, что ему не нужно людей въ его владѣніяхъ. Молчаніе, поэтому, единственный исходъ. *Muta resora, prona et ventri obedientia.*

Вотъ исторія неудачной попытки уничтожить филистерское государство, оставаясь на его собственной почвѣ: эта попытка кончилась тѣмъ, что наглядно показала всему міру необходимость скотства (*Brutalität*) для деспотизма и его непримиримость съ человѣчностью. Скотскія отношенія могутъ быть поддержаны только посредствомъ скотства.

Теперь я покончилъ съ нашей общей задачей, — я разобралъ филистера и его государство. Вы не скажете, что я слишкомъ высокаго мнѣнія о настоящемъ; но я все таки не

*) Николай I. Извѣстно, какое вліяніе имѣлъ Николай I на внутреннюю политику Европы и въ особенности Пруссіи.

отчаиваюсь въ настоящемъ, потому что именно современное отчаянное положеніе внушаетъ мнѣ надежду. Я ужь не говорю о неспособности господъ и косности слугъ и подданныхъ, которые предоставляютъ все на волю Божию, — хотя этого одного было бы достаточно, чтобы довести дѣло до катастрофы. Я обращаю Ваше вниманіе только на то, что враги филистерства, т. е. всѣ мыслящіе и всѣ страдающіе люди въ первый разъ получили возможность столкнуться межъ собою, что пассивная система размноженія, практикуемая старыми подданными, каждый день доставляетъ рекрутовъ на служеніе новому человѣчеству. А система промышленности (Erwerb) и торговли, система владѣнія и эксплуатаціи человѣка ведетъ еще гораздо скорѣе, чѣмъ размноженіе населенія, къ разрыву внутри теперешняго общества, къ разрыву, котораго старая система не въ состояніи залечить, потому что она вообще не лечитъ и не творитъ, а только существуетъ и наслаждается. Существованіе страдающаго человѣчества, которое мыслитъ, и мыслящаго человѣчества, которое угнетается, должно неизбѣжно стать поперекъ горла пассивному, бессмысленно наслаждающемуся животному міру филистерства.

Съ своей стороны, мы должны освѣтить всѣ закоулки стараго міра и положительно выработать новый міръ. Чѣмъ больше времени будетъ въ распоряженіи у мыслящаго человѣчества; чтобы собраться съ мыслями, и у страдающаго человѣчества, чтобы собраться съ силами, — тѣмъ совершеннѣе будетъ продуктъ, который долженъ выйти изъ нѣдръ настоящаго.

РУГЕ КЪ МАРКСУ.

Парижъ, въ Августѣ 1843 г.

Новый Анахарсисъ*) и новый философъ меня убѣдили. Это вѣрно. „Польша пала, но еще не погибла!“ слышится непрерывно изъ развалинъ. И если бы Польша воспользовалась постигшей ее судьбой, какъ урокомъ, и бросилась въ объятія

Бакунинъ. Руге намекаетъ на письмо Бакунина, въ которомъ послѣдній, между прочимъ, горячо оспариваетъ мрачные взгляды Руге на будущее.

разума и демократіи, — это значило бы, конечно, перестать быть Польшей, но она еще могла бы быть спасена. „Новое учение, новая жизнь!“ — Да, Польшу не спасутъ католическая вѣра и дворянская свобода, а насъ не могли освободить теологическая философія и вельможная наука. Мы не можемъ быть продолжателями прошедшаго, не разрывая съ нимъ окончательно. „Ежегодники“*) погибли, гегелевская философія принадлежитъ прошедшему. Здѣсь, въ Парижѣ, оснужемъ мы органъ, въ которомъ будемъ обсуждать себя самихъ и всю Германію съ полной свободой и съ неумолимой искренностью. Дѣйствительное обновленіе—это новый принципъ, новое положеніе, освобожденіе отъ узкаго націонализма, рѣзкій отпоръ грубой реакціи чудовищно-нелѣпой самобытности, которая вмѣстѣ съ тираномъ Наполеономъ поглотила и гуманизмъ Революціи. Философія и національная ограниченность,—возможно ли было совмѣстить эти два понятія хотя бы въ названіи и на заглавномъ листѣ журнала? — Повторяю, Германскій Союзъ справедливо запретилъ возобновленіе *Германскихъ* Ежегодниковъ, онъ кричитъ намъ: Не надо никакой реставраціи! Какъ это разумно!... Мы должны предпринять нѣчто новое, если желаемъ вообще что нибудь дѣлать.

Я хлопочу о коммерческой сторонѣ дѣла. Мы рассчитываемъ на Васъ. Пишите, что Вы думаете о программѣ новаго журнала, которую я прилагаю при этомъ письмѣ.

МАРКСЪ КЪ РУГЕ.

Крейцнахъ, въ Сентябрѣ 1843 г.

Меня радуешь, что Вы приняли твердое рѣшеніе и, покончивъ съ ретроспективными взглядами на прошлое, обращаетесь мыслью впередъ, къ новому предпріятію. Итакъ, въ Парижѣ, въ этотъ старый университетъ философіи — *absit omen!* (да не будетъ это предзнаменованіемъ!)— и новую столицу новаго міра! Что необходимо, то исполняется. Я, поэтому,

*) *Deutsche Jahrbücher* — органъ лѣвыхъ гегельянцевъ, превратившійся незадолго до того.

не сомнѣваюсь, что можно будетъ устранить всѣ препятствія, несмотря на всю ихъ важность.

Впрочемъ, удастся наше предпріятіе или нѣтъ, я, во всякомъ случаѣ, буду въ Парижѣ къ концу этого мѣсяца, такъ какъ здѣшній воздухъ дѣлаетъ человека крѣпостнымъ, и я рѣшительно не вижу въ Германіи простора для свободной дѣятельности.

Въ Германіи все насильственно подавляется, настала пора настоящей анархіи ума, пора режима самой глупости, а Цюрихъ повинуется приказаніямъ изъ Берлина. Становится, поэтому, все очевидно, что истинно мыслящія и независимыя головы должны искать новаго сборнаго пункта. Я убѣжденъ, что нашимъ предпріятіемъ будетъ удовлетворена дѣйствительная потребность, а вѣдь дѣйствительныя потребности непременно находятъ себѣ удовлетвореніе. Итакъ, я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ, если только возьмемъ серьезно за дѣло.

Чуть ли еще не важнѣе внѣшнихъ препятствій мнѣ кажутся внутреннія трудности: Хотя не существуетъ сомнѣній на счетъ исходнаго пункта, но за то господствуетъ большая путаница на счетъ направленія и цѣли. Не говоря уже о всеобщей анархіи въ воззрѣніяхъ различныхъ реформаторовъ, каждый въ отдѣльности долженъ признаться себѣ самому, что онъ не имѣетъ точнаго представленія о томъ, что намъ предстоитъ въ будущемъ. Но въ этомъ, съ другой стороны, какъ разъ преимущество новаго направленія, оно не стремится догматическими построеніями предвосхитить будущее, а желаетъ только посредствомъ критики стараго міра найти новый міръ. До сихъ поръ философы имѣли въ своемъ портфелѣ разрѣшеніе всѣхъ загадокъ, и глупому непосвященному міру оставалось только раскрыть ротъ, чтобы ловить жареныхъ рябчиковъ абсолютной науки. Теперь философія сдѣлалась свѣтской; это неопровержимо доказывается тѣмъ, что само философское сознаніе не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ образомъ втянуто въ водоворотъ борьбы. Если, значить, конструированіе будущаго и окончательные результаты для всѣхъ грядущихъ временъ — не наше дѣло, то тѣмъ определеннѣе мы знаемъ, что намъ нужно совершить въ настоящемъ: я говорю о *безпощадной критикѣ всего существующаго*, безпощадной въ двухъ смыслахъ, — что эта критика не боится соб-

ственныхъ результатовъ и не отступаетъ передъ столкнове-
ніемъ съ властями предрержащими.

Поэтому, я не желаю, чтобы мы выставили какое нибудь догматическое знамя. Напротивъ того, мы должны помогать догматикамъ понять смыслъ ихъ собственныхъ положеній. Къ догматическимъ абстракціямъ относится въ особенности *коммунизмъ*, причемъ я имѣю въ виду не какой нибудь воображаемый и возможный коммунизмъ, а тотъ дѣйствительно существующій коммунизмъ, который проповѣдуютъ Кабэ, Дезами (Desamy), Вейтлингъ и пр. Этотъ коммунизмъ есть только своеобразное выраженіе гуманистическаго принципа, въ своемъ родѣ столь же ограниченное, какъ его противоположность, система частной собственности. Поэтому, отмѣна частной собственности ни въ какомъ случаѣ не тождественна съ коммунизмомъ; и рядомъ съ коммунизмомъ, появились не случайно, а неизбежно другія социалистическія ученія, какъ ученія Фурье, Прудона и пр., потому что самъ коммунизмъ—только особенное, одностороннее осуществленіе социалистическаго принципа.

Да и социалистическій принципъ въ цѣломъ представляеть собою опять таки только одну сторону, касающуюся *реального* бытія истинно-человѣчнаго (*die Realität des wahren menschlichen Wesens*). Мы же должны обратить такое же вниманіе и на другую сторону, на теоретическое существованіе человѣка, слѣдовательно, сдѣлать предметомъ своей критики религію, науку и пр. Кромѣ того, мы желаемъ вліять на своихъ современниковъ, и именно на современныхъ намъ нѣмцевъ. Спрашивается, какъ взяться за это дѣло? — Не подлежитъ сомнѣнію, что теперешняя Германія главнымъ образомъ интересуется, во-первыхъ, религіей, а во-вторыхъ, политикой. Эти-то два предмета, каковы бы они ни были сами по себѣ, мы должны взять исходной точкой, а не противопоставить имъ какую нибудь готовую систему вродѣ „*Voyage en Icarie*“.

Разумъ существовалъ всегда, только не всегда въ разумной формѣ. Критикъ можетъ, значитъ, взять исходнымъ пунктомъ всякую форму теоретическаго и практическаго сознанія и изъ *собственныхъ* формъ существующей дѣйствительности развить истинную дѣйствительность, какъ идеальное содержаніе (*Sollen*) и конечную цѣль этихъ формъ. Что касается дѣйствительной жизни, то въ особенности *политическое государ-*

ство, даже тамъ, гдѣ оно сознательнымъ образомъ еще не прониклось социалистическими требованіями, содержитъ во всѣхъ своихъ *новѣйшихъ* формахъ требованія разума. И государство не останавливается на этомъ. Оно всюду подразумеваетъ разумъ осуществленнымъ. Но всюду же оно впадаетъ въ противорѣчіе между своимъ идеальнымъ назначеніемъ и своими реальными данными.

Изъ этого внутренняго противорѣчія политическаго государства можно всюду развить социальную истину. Подобно тому какъ *религія* представляетъ оглавленіе (Inhaltsverzeichnis) теоретическихъ битвъ человѣчества, *политическое государство* представляетъ оглавленіе практическихъ битвъ человѣчества. Такимъ образомъ, политическое государство выражаетъ въ предѣлахъ своей формы *sub specie reipublicae* (подъ политическимъ угломъ зрѣнія) всѣ социальныя битвы, потребности, истины. Поэтому, сдѣлать предметомъ критики самый специальный политическій вопросъ, — наиримѣръ, различіе между сословной и представительной системой, — нисколько не значитъ спуститься съ *hauteur des principes*, такъ какъ этотъ вопросъ лишь выражаетъ *политическимъ* языкомъ различіе между господствомъ чловѣка и господствомъ частной собственности. Значитъ, критикъ не только можетъ, но и долженъ заниматься этими политическими вопросами (которые завязтому социалисту кажутся нестоящими никакого вниманія). Показывая преимущество представительной системы передъ сословной, критикъ имѣетъ за себя *практическіе интересы* большой партіи. Возводя представительную систему изъ ея политической формы во всеобщую форму и раскрывая истинное, основное значеніе этой системы, критикъ вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ эту партію выйти изъ своихъ рамокъ, такъ какъ ея побѣда въ тоже время — ея проигрышъ.

Такимъ образомъ, ничто намъ не мѣшаетъ связать нашу критику съ критикой политики, съ интересами определенной политической партіи, а стало быть, связать и отождествлять нашу критику съ *дѣйствительной* борьбой. Въ такомъ случаѣ, мы не выступимъ передъ міромъ, какъ доктринеры, съ готовымъ новымъ принципомъ: Тутъ истина, на колѣни передъ нею!—Мы развиваемъ міру новые принципы изъ его же собственныхъ принциповъ. Мы не говоримъ міру: „перестань бороться, вся твоя борьба—пустяки“,—мы даемъ ему истин-

ный лозунгъ борьбы. Мы только показываемъ міру, за что собственно онъ борется, а сознание—такая вещь, которую міръ *долженъ* приобрести себѣ, хочетъ онъ этого или нѣтъ.

Реформа сознания состоитъ только въ томъ, чтобы дать міру познать его собственное сознание, чтобы разсѣять грезы міра о самомъ себѣ, чтобы *разяснить* ему смыслъ его собственныхъ дѣйствій. Вся наша задача можетъ состоять только въ томъ, чтобы — по примѣру фейербаховой критики религіи — придать религіознымъ и политическимъ взглядамъ самосознательную человѣческую форму.

Такимъ образомъ, нашъ девизъ долженъ гласить: Реформа сознания не посредствомъ догмъ, а посредствомъ анализа мистическаго и себѣ самому неяснаго сознания какъ въ религіозной, такъ и въ политической области. При этомъ окажется, что міръ уже давно грезитъ о предметѣ, для дѣйствительнаго обладанія которымъ міру нужно только обладать сознательнымъ представленіемъ о немъ. Окажется, что дѣло идетъ не о томъ, чтобы соединить мыслью прошедшее и будущее, а о томъ, чтобы *осуществить* мысли прошедшаго. И, наконецъ, окажется, что человѣчество не начинаетъ *новой* работы, а сознательно доводитъ до конца старую работу.

Итакъ, мы можемъ выразить направленіе нашего журнала однимъ словомъ : Работа современности надъ уясненіемъ самой себѣ (критическая философія) смысла собственной борьбы и собственныхъ желаній. Это — работа для міра и для насъ. Она можетъ быть только результатомъ соединенныхъ силъ. Дѣло идетъ объ исповѣди, не больше. Чтобы очиститься отъ своихъ грѣховъ, человѣчеству нужно только объяснить себѣ ихъ истинный смыслъ.